

18+

Андрей Пупышев

*Повесть
о
звёздах*

Андрей Пупышев
Повесть о звёздах

«Издательские решения»

Пупышев А. М.

Повесть о звёздах / А. М. Пупышев — «Издательские решения»,

Он был астрономом и привык находить утешение в молчании звёзд. Она — студенткой экономфака, и в её распланированной жизни не было места для неуверенного в себе мечтателя. Их любовь была обречена. Но когда Наташа оказывается в Европе с диагнозом, не оставляющим надежды, Роман бросает всё и отправляется в путь — без денег, без документов, с верой в чудо. Это повесть о любви, которая оказывается сильнее обстоятельств, о звёздах, которые слышат нас, о чуде, которое рождается не на небе, а в сердце.

© Пупышев А. М.

© Издательские решения

Содержание

Повесть о звёздах	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Повесть о звёздах

Андрей Михайлович Пупышев

Иллюстратор Kandinsky

© Андрей Михайлович Пупышев, 2026

© Kandinsky, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-4667-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Повесть о звёздах

И он скажет мне слово...

«Белая гвардия»

Чёрный бархат небес да весёлые огоньки — вот и всё, что я вижу из окна своей «кельи». Но что мне ещё нужно? Этот далёкий космический свет. Он существует или нет на самом деле? Ведь он показывает нам только то, что было миллионы лет назад. А сейчас эти галактики и звёзды выглядят иначе. Но мы не можем знать как. Потому что свет летит до наших глаз слишком долго. И нынешние звёзды и галактики суждено увидеть лишь нашим далеким потомкам. Но и для них это будет лишь отсвет далёкого-далёкого прошлого. Так что же такое космос — обман зрения? У меня на сей счёт родилась теория.

Наша душа — это зеркало, отражающее красоту и гармонию мира. И то, что мир этот так хорош и красив, наша заслуга. Если бы это зеркало вдруг искривилось, и каждый из нас не имел бы чистой, прекрасной души, что увидели бы мы там, в необъятных просторах Вселенной? Понятно что. Такие вот мысли приходят, когда сидишь ночью один у телескопа, затерянный в горах отшельник, никому не нужный и ни о ком не заботящийся.

Где-то там, гораздо дальше, чем может показаться, существуют города, люди спуют туда-сюда, словно муравьи. Стоят в пробках, в очередях и на посту. Лежат в больницах, на скамейках, в постелях. Бегают по коридорам школ, по кабинетам, по гаревым дорожкам на стадионах. Сидят на корточках или в кожаных креслах. Существуют ли? Им, конечно, кажется, что да. Но что останется от них уже лет через сто?

Здесь, в маленькой обсерватории — тишина и бесконечность. Иногда в поле зрения возникает кусок хлеба и ломтик сыра. Иногда обед побогаче. Но когда я смотрю на небо, всё, кроме него, исчезает. Даже меня, смотрящего, уже нет. И времени нет. Не в общепринятом смысле (отстаньте, мол, некогда), а на самом деле.

Когда отрываешь взгляд от небес, то долго не можешь понять где ты, кто ты, что тут делаешь и, главное, зачем? Потом постепенно осознаёшь и переходишь к работе — она несложная, просто делаешь фотографии определённых участков неба — методично, фиксируя каждое действие в журнале.

Разноцветные искорки звёзд и туманные пятнышки галактик давно стали мне родными. Я могу мысленно приблизиться к любому объекту в космосе, почувствовать его дыхание. Ласковые лучи заглядывают мне в глаза и наполняют сердце. Мы одной природы. Где-то там, в городах живут люди, страдая от стрессов, воюя друг с другом и судьбой. А здесь никакого «вдруг» не случается, царит мировой покой. Вот уже год я наслаждаюсь им.

Вы можете сказать: а как же телевидение, радио, газеты, телефон, Интернет, письма, наконец? Ведь сколько возможностей они дают человеку, оторванному от цивилизации, соединиться с ней! На это я могу сказать одно — в тесных связях с цивилизацией Роман Стожаров (это я) никогда не был замечен. Только в первую неделю пребывания в горах я мучил себя чепухой вроде «Акции Газпрома падают!» (видимо, прямо нам на голову, или это сообщалось про страшную комету?), «От Васи Пупкина ушла седьмая жена!» (может, в магазин за хлебом и скоро вернётся, что за паника?), «Старый олигарх родил тройню!» (Сам что ли? Бедный). Этим мусором пропитано всё информационное поле наших СМИ. Поле Чудес — в стране Дураков! Что я мог узнать из «ящика» такого, что мне действительно было бы важно?

Чем чище мозг от информации, тем счастливее сердце. Вот главный закон, который я открыл здесь.

Когда я был студентом, то не был похож на остальных. Я жил в своём мире, можно сказать, в мире грёз. Не то что бы я не хотел жить в реальности, но как-то не получалась. Если сравнивать жизнь с футболом, можно сказать, что я никак не мог понять правила игры — то вежливо уступал мяч противнику, то не получал пас от партнёров, которые в меня не верили, а то просто стоял, любуясь цветным флажком у угла поля, вместо того чтобы мчаться к воротам. Можно было бы сказать, что я жил в параллельном мире, но, скорее всего, я по-настоящему не жил нигде. А просто болтался, как щепка в проруби, стараясь не мешать другим отчаянно грести туда, куда они хотели. Или куда их гнал азарт. Я не был ни гребцом, ни рулевым. Запирался дома с книгами и читал, читал... Реальная же моя жизнь была серой, скучной, и после каждой крупной неудачи суицид казался единственным выходом.

Но вот пришёл счастливый мартовский день, когда я родился заново. Да, можно сказать, что воскрес! Правил игры в жизнь я, увы, так и не узнал, случилось совсем другое: любовь.

Она застигла меня врасплох, глянув однажды своими зелёными глазами в мои глаза и... я не смог отвести их. Встреча с Наташей, студенткой последнего курса экономфака филиала МГУ, симпатичной большеглазой девочкой небольшого роста, с ниспадающими на плечи красивыми тёмно-каштановыми волосами, наполнила, наконец, жизнь смыслом. Земная жизнь улыбнулась мне на прощанье, подарив три месяца счастья. Целых три месяца! Многим ли выпало столько света и радости в жизни?

Когда любовь угасла, не осталось ничего. Кроме звёздного неба над головой. Так я оказался в обсерватории. Молодой специалист. Без жизненного опыта и друзей. Без надежд, без ожиданий, без целей.

Её отец был директором крупного завода. Сама она тянула на красный диплом (была действительно умницей), и потому жизненные перспективы открывались самые заманчивые. Любой банк, любая фирма уже готовы были принять её в свои объятия. К тому же и у отца были кое-какие связи (в число его друзей входило немало банкиров, бизнесменов, политиков и артистов).

Ничего этого я не понимал. Хотя знал о ней всё, у Наташи никогда не было от меня секретов. Но что всё это значило, до меня никак не доходило. И я даже не замечал косых взглядов её родителей! Какое мне было дело до их жизненного статуса? Я любил её глаза, её губы, её смех... Мне было так интересно с ней! Время летело незаметно. Как только она освобождалась от занятий, тут же звонила и летела ко мне. Мы гуляли, глядя не столько на окружающий нас большой город, сколько друг на друга и говорили, говорили, говорили... Находили всё новые тропки, тонущие в зелени, уединённые места. Потом, когда становилось совсем темно, шли к ней домой и засиживались до полуночи. Каждый раз я с недоумением смотрел на электронные часы, высвечивавшие «00.00» и не верил глазам своим — неужели прошло столько времени? Но сомневаться в этом не приходилось, так как именно в этот момент в комнату врвалась Наташина мама и принималась кричать на меня:

— Это ещё что такое?! У тебя есть совесть? Ей завтра рано вставать!

И решительно выпроваживала меня из квартиры. Внутри у меня всё кипело, ведь младший брат Наташи, боксер, не приходил домой даже в это время, и ему всё сходило с рук.

Весь следующий день был лишь ожиданием чудесного вечера. И так было ежедневно.

Ничем предосудительным мы не занимались, только беседовали. Но никогда раньше не было у меня такого собеседника, улавливавшего с полуслова, с полувзгляда, что я хочу сказать, а главное, понимавшего во мне даже то, чего я сам не понимал. Она увлекалась психологией и ставила на мне весёлые эксперименты. Никогда в жизни мне не было так хорошо и волнительно. Было ли также хорошо Наташе? Не знаю.

Счастье кончилось неожиданно. Как-то она, измученная ежедневными битвами с родителями (о которых я тогда не подозревал) спросила у меня (мы стояли возле её подъезда):

— Хочешь, я сниму под жильё коттедж?

— Зачем это?

Пауза. Она неловко откашлялась.

— Мне показалось, ты недоволен, что я до сих пор живу с родителями.

— А кто будет оплачивать этот коттедж? — спросил я. — Предки?

— Да ты что! Я, конечно! Я уже узнавала цены, меня всё устраивает. Есть очень милые варианты. Да, я тебе не сказала, только это пока секрет (молчи, чтобы не сглазить): меня берут на работу в очень крупный банк экономистом. Сразу после защиты диплома. Будешь держать за меня кулаки?

— Ну-ну... Считай, что диплом у тебя в кармане! А что за спешка с жильём? Поссорилась с предками?

— Нет. Но... — она замялась и, кажется, внутренне разозлилась. — Скажи, пожалуйста, мне сейчас только одно слово: да или нет?

Я смеялся. Что она хочет от меня? Какое решение я должен принять? Как и где ей жить? В своих грёзах я видел её своей женой, которая, конечно же, живёт вместе со мной, и мы платим за всё вместе. Но когда это ещё всё будет! А вдруг — коттедж! Тут я впервые (не смейтесь) осознал, какова разница в нашем положении. Я заканчивал астрономический факультет, учась от случая к случаю и ни на какое хорошее место не рассчитывал (мало того, меня в любой момент могли просто отчислить за непосещения занятий). Родители были простыми инженерами — семья бедствовала, как многие тогда в России (в начале 90-х годов). Что ждало меня через месяц? В лучшем случае отъезд в Тмутаракань. Или бессмысленные походы по организациям в поисках работы.

— А не нужен ли вам молодой астроном, любитель звёзд?

— Как же, нужен, нужен! Ящики с пятизвёздочным коньяком разгружать.

Я вдруг с ужасом осознал, что в её будущей жизни для меня нет места. Не соглашусь же я, в самом деле, жить в её доме на её деньги!

«Так мне и надо!» — думал я.

Она как будто поняла мои мысли.

— Я в тебя верю! — в голосе её зазвучали жёсткие ноты, словно говорила не она, а её грозный отец. — Ты способен на многое! В тебе есть ядро. Я вижу. И если ты только захочешь...

Какое ещё ядро? Я был абсолютно уверен, что не способен ни на что. Это мне всегда внушали все окружавшие меня люди, и в этом я сам убеждался не раз, наблюдая собственную жизнь. Нет, всё погибло! Я не могу стать её мужем.

Другой бы удивился, как мне не приходили в голову все эти мысли раньше. Может быть, они и приходили, но я гнал их. Мне было слишком хорошо.

К тому же она никогда не говорила, что между нами есть какая-то разница! Напротив, Наташа жаловалась мне на грубость отца, который заставлял её вести себя «как настоящая леди»: сидеть прямо, разговаривать степенно, вилку держать в левой руке, нож в правой и прочее. Всё было слишком размеренно и скучно в её жизни, шаг влево, шаг вправо — расстрел на месте. Музыка, танцы, математика, языки, манеры — всё было расписано поминутно! И только учёба в МГУ, шейпинг и увлекательные курсы психологии несколько раскрепостили её. Однако я замечал, что ходит, говорит, сидит она определённым образом, никогда не позволит себе неприличное слово или вольный жест, всегда отчитывается перед родителями, где была и что делала за день.

Во время наших весёлых и беззаботных встреч также случались странности. Порой Наташа самым бесцеремонным образом прерывала меня фразами, сказанными не с обычной кошачьей мягкостью в голосе, а властным тоном её отца: «Не сутулься!», «Говори чётче!», «Ты идёшь не в ту сторону, нам сейчас направо!» На меня это действовало также как команды

хозяина на непослушную овчарку. Мне хотелось рассмеяться и сделать всё наоборот. А она молча качала головой. К подобной ерунде Наташа почему-то относилась серьёзно.

А однажды моё самолюбие было всё-таки задето самым жестоким образом. Когда она сказала, что мечтает о машине («Мерседесе»). У неё были права, но водила она лишь отцовский автомобиль после фуршетов, да и то каждый раз трусила и давала себе зарок никогда больше этого не делать.

— Сама сядешь за руль? — спросил я.

— Конечно!

— А я? Буду сидеть рядом? — осторожно поинтересовался я. — Может я за рулём? Не пристало девушке возить своего парня...

— Ты поедешь в собственной машине. Я впереди, ты за мной! Никто никого возить не должен. У каждой цельной Личности должно быть всё своё!

Да, это может быть разумно, современно, но неприятно. Согласно этой логике и квартира у каждого должна быть своя? По-моему, семья должна ездить в одной машине, а не делиться! Когда я сказал ей об этом, она меня не поняла. Вот тогда я впервые почувствовал, что никакого *мы* нет, есть два *я*. И находятся они на непреодолимой дистанции друг от друга.

— Родители спрятали мой паспорт, — как бы между прочим сказала она тогда. — Думают, что я без спросу выйду замуж. Как будто я собираюсь... — она как-то нервно хихикнула, и я почувствовал, что моя любовь впервые говорит мне неправду. Она хотела замуж. Но не при любых условиях. От меня требовалось принять эти условия. От меня ждали подвига, на который я не был способен.

— Давай не будем торопиться, — сказал я ей. — Будем пока просто друзьями, а?

Надо было видеть её взгляд. Тягостное молчание было очень долгим.

— Ну что ж, — нехотя сказала она, отвернувшись и глядя куда-то в угол, — если ты так можешь...

Я ждал, что она скажет.

— То я точно не могу, — она резко закрыла за собой дверь подъезда. И я остался один.

На все мои телефонные звонки и попытки объясниться она отвечала лишь одним словом: «нет», или иногда двумя: «не хочу». И хотя она не клала трубку, слушая что я ей скажу, разговаривать было не о чем. Вскоре я уехал в горы.

Работа у меня была не сложная. В начальники юный астроном не стремился, а сделать необходимые профессиональные расчёты и выводы ума хватало — математика, физика всегда были моими любимыми предметами. Так что всё проходило на автопилоте.

Поначалу я ещё пытался вести «человеческий» образ жизни. В выходные дни ходил вместе с братьями по астрономическому цеху в походы по горным тропкам. Несколько лет я занимался альпинизмом, так что быстро стал здесь чем-то вроде вожака и вдохновителя. Мы пытались штурмовать весьма опасные (по любительским меркам) вершины, и каким-то чудом нам это удавалось.

По вечерам я любил смотреть на закат. В горах он был особенно красив. Когда солнце полностью скрывалось за горизонтом, самые высокие вершины окрашивались нежно-розовым светом. Но и они постепенно тонули во тьме.

Среди немногих личных вещей, взятых мною в горы, была любимая гитара-шестиструнка. Так что по праздникам несколько энтузиастов-астрономов устраивали концерты авторской песни. Особенно мы любили Высоцкого, Визбора и Окуджаву (я сам был влюблён в песни Александра Дольского, но играть так хорошо, как он, было не под силу). Жители соседнего горного села также приглашались на эти концерты, и нам стоило немалого труда вырваться из кольца аплодирующих поклонников. После мы возвращались в тишину своих «келий».

Была у меня ещё одна слабость — я и сам сочинял песни... Также на любительском уровне. Про горные вершины и чистые ручьи, про голубое небо над головой и нежные космические симфонии, про любовь, которая, может быть, ещё ждёт нас где-то... Но не смел петь их никому, так как был уверен, что не достоин. Вот один из сочинённых тогда текстов.

Трудно жизнь прожить, не зная страданий,
Рай земной построить не легко.
Астрономы, выйдемте из зданий!
До вершин не так уж далеко.
Здесь поймём, пространство созерцая,
Ничего не алча, лишь любя —
Можно обойтись без «ада», «рая»...
Есть лишь свет и никакого «я».
Мы не помним бед, не жаждем счастья.
Что добро, что зло? И в чьей мы власти?
Радугу нам видеть бы почаще,
Звёзд сиянье, солнце, облака!
И друзей терпимое участие.
И любить всё то, что есть пока.

Вскоре я перестал всем этим заниматься. Мне хотелось только одного — покоя. Звонить Наташе я больше не пытался. Хотя поначалу и утешал себя мыслью, что пройдёт какое-то время и всё образуется. Но что могло образоваться?

Нет, я не страдал. Я был счастлив здесь именно тем, что не было *меня*, а были только звёзды. Спал я обычно днём. Но день этот ничем не отличался от ночи, потому что и снился мне, в основном, космос, полный успокаивающей темноты и мерцания далёких огней иной жизни.

Уже давно я связал некоторые созвездия с близкими мне по духу людьми. Вот, например, Орион. Для меня это Слава, мой школьный друг. В детстве я не отличался большой смелостью. Разве что до 12 лет, когда дерзить в ответ хулиганам было относительно безопасно — максимум отделаешься разбитым носом. Позже пошли другие разборки, порой с серьёзными последствиями, и я предпочитал не связываться. И только когда в наш класс пришёл Слава, исполненный рыцарского благородства, помнящий все романы о благородных идалго и отважных шевалье, мне почему-то тоже передались эти манеры, и трусить стало просто стыдно. Как часто, воображая себя мушкетёрами, сражались мы на шпагах, бывших на самом деле швабрами из школьной кладовой! И даже пытались ухаживать за одноклассницами, представляя их знатными дамами из романов. Девочки, однако, нашу игру не поддерживали.

В 8 классе мы с друзьями, стоя на волжском косогоре, поклялись посвятить свои жизни... счастью родины. Наивные огольцы. Смешно сказать, что мечтали мы тогда... о коммунизме! Почему-то нам казался неизбежным его приход, но надо было чуть ускорить, приблизить светлый миг. Это воспоминание до сих пор живёт в сердце.

Позже появилась Лена. Совсем маленькая соседка. Никогда не забуду глаза этой девчушки, сияющие счастьем. Оно бесплатно выливалось в мир, рождаясь где-то в недрах её доброго сердца. Сказать, что она любит мир и людей, ничего не сказать. Она обожала их и дарила себя целиком любому существу, подходящему к ней на расстояние взгляда. Конечно, пока ей было 5—7 лет. В этом возрасте любая девочка как цветок — коснётся его лепестков солнечный свет (улыбнётся ей), цветок раскрывается легко и без усилий. Чем человек взрослее и «умнее», тем он менее счастлив, менее открыт миру, более «организован» (прячется в своём коконе). Но глазки моей маленькой соседки пока что загораются небесным огнём, надо только

уметь зажечь их. Надо просто быть добрым и любящим и не городить чепухи. Впрочем, чепуху она вам тоже простит. Когда она станет совсем большой, я думаю, встретит своего принца. Вот уж кому повезёт с невестой! Когда я смотрю на белую Вегу в созвездии Лиры, то всегда вспоминаю Леночку.

Альбиро — звезда в «клюве» роскошного Лебедя, «парящего» в центре Млечного Пути. Когда смотришь на неё даже в небольшой телескоп, она распадается на красивую пару — одна звёздочка оранжевая, а другая — изумрудного цвета. Глядя на них, я вспоминаю маленьких племянников — Лёшу и Аню.

Я мысленно беседовал с этими звёздами, знакомился с другими, стараясь ни о чём не заботиться и никуда не стремиться. Все лишние знания постепенно меня покинули. Осталась совершенная в своей чистоте пустота — пространство, в котором потихоньку рождалась новая жизнь.

Не сразу я понял, что случилось. В последние дни в наших отношениях с космосом стали происходить странные вещи. Этот самый я, казалось бы, стигнувший навсегда, иногда вдруг выныривал, словно чёрт из преисподней и, как я на него ни косился, принимался что-то бормотать о смысле жизни. О том, как мне будет «мучительно больно за бесцельно прожитые годы». Воспоминания о встречах с Наташей, как я ни гнал их от себя, тоже вдруг стали такими ясными, как будто воспроизводили только что случившееся. Ни работа, ни сны не отвлекали, потому что Наташа теперь являлась ко мне именно во сне. Она ничего не делала, ни к чему не призывала. В тумане сна всплывало лишь её лицо. Зелёные глаза (огромные как космос, и такие же печальные), опущенные длинными ресницами, маленький, чуть вздёрнутый носик, говорящий, как мне казалось, о гордости своей хозяйки, и пухлые алые губы (о чём они мне говорили, я вам не скажу — это секрет) ... Мне не было больно или досадно, но эти сны стали настоящим кошмаром неизвестности — зачем они? Что она ещё хочет от меня?

Несколько дней я был в прострации, даже перестал выходить к обеду. Коллеги сообщали, что я дал обет молчания. Несколько дней не спал. Пытался читать беллетристику, но жизнерадостные повести о чужом счастье не вдохновляли.

И вдруг пришло озарение. Как вспышка света в уме! Я выглянул в окно — на царственный Эверест. Эта гора со сверкающей как алмаз вершиной, символизировала сейчас мой ум. Я понял всё. Как я был глуп! И даже рассмеялся — до чего ж просто устроена жизнь!

Да, я здесь успокоился. Мне стало хорошо. И безразлично всё, что происходит. Но разве я перестал быть эгоистом? Разве я хоть раз подумал о том, каково ей сейчас? Бедняжка... А она? Она была уверена, что знает жизнь! Управляет ей. А на самом деле? Никакой преуспевающий молодой человек ей не нужен, с ним она будет несчастна — это же ясно! Мало ли встречала она бизнесменов, актёров, спортсменов! Но тянулась-то ко мне. Почему — одному Богу известно. Но ведь это факт. Что же Ей теперь делать?! Нет, что МНЕ теперь делать?! Я знал — что. Я оставил обсерваторию и уже через несколько часов трясся в запыленном УАЗике по дороге на станцию.

И вот я снова в большом городе. Символично, что я прибыл сюда ночью. Вчера мне снился Орион. А сегодня я уже смотрю на чёрное небо родного города. Вот Кассиопея, хвастающаяся своей опасной красотой. А вот Дракон. Совсем не опасный. Пока люди не сажают его на трон, сами делая себя рабами. Я не отрываю глаз от созвездий. Здесь всегда рождались красивые легенды. Здесь до сих пор рождаются мечты. Отсюда на Землю когда-то пришла жизнь. Сюда она и уйдёт. Некоторым популярным людям на Земле кажется, что они настоящие звёзды. Но куда летит свет их души? Пронесётся ли он сквозь столетия и миры? И зажжёт ли радость в чьих-то очень далёких глазах?

Сейчас звёзды дают мне силы. Я не один, со мной вся Вселенная. И эта Вселенная справится с любыми земными трудностями!

Вот знакомые аллеи, где мы бродили с Наташей. А вот то место, где я впервые взял её под руку и предложил проводить. Она тогда очень удивилась, но снисзошла. Если бы она знала, как удивлялся я! Подумать только, этот неуверенный в себе парень решился на такой поступок! Конечно, мне и раньше нравились некоторые девчонки, но все они нисколько не поощряли мои намерения сблизиться с ними, и я растерянно топтался на месте, не зная даже, как подойти к ним и что сказать. Но Наташа сразу отнеслась ко мне как другу, так что я не чувствовал никакого дискомфорта. Ей, конечно, тоже нравилось быть со мной. Иначе она без разговоров отправила бы меня куда подальше. Впрочем, в итоге она ведь так и сделала...

Какой-то холодок попытался проникнуть в моё сердце, но я решительно изгнал его. И даже снял куртку — мне было жарко. Теперь я понял, что, несмотря на солидный возраст (22 года!), тогда мы оба были ещё детьми, слишком зависимыми от других. Господи, мы не знали сами себя! Но теперь всё будет иначе. Я присел на скамейку возле её подъезда. Ни одно окно не горит. Ещё слишком рано. Подожду. Никуда она от меня уже не уйдёт. Не Наташа, а непоколебимая уверенность в своих силах.

В ожидании рассвета я стал сочинять стихи на восточный лад о том, как запачканное зеркало моей души было омыто слезами страданий, но я не догадывался протереть его сухой тряпочкой опыта... Пока я упражнялся, взошло солнце. И я прибавил несколько куплетов о том, как оно осветило для меня всё вокруг. Не только дома и школы, деревья и заборы, но даже камешки у дороги. Как ясно я вижу теперь всю свою будущую жизнь, и как уверен, что она действительно будет такой, как мне хочется. И даже лучше.

Я был слишком взволнован, чтобы удержать в памяти хоть строчку, а потому вся эта лирика благополучно канула в Лету. Хотя позже пытался воспроизвести её, пусть другими словами, и у меня получилось следующее:

Не трусь, отбрось свои сомненья!
Всё сможешь — только пожелай!
Живи в текущее мгновенье,
Творя свой ад, а может рай.

И что бы ни было доселе,
Какой бы ни был ты герой,
Поймёшь кто ты на самом деле,
И жизнь покажется игрой.

Я ещё долго сидел тогда на скамеечке и мечтал. Космическая мелодия утром звучит совсем тихо. Но звучит. Постепенно растворяясь в глубине души. Но если не дать ей утихнуть, а прислушиваться к ней, никогда не сойдёшь с нужного пути, всегда будешь знать, как поступить, как ответить на вызовы судьбы.

Когда в доме зажглись многочисленные окна, а люди стали выходить из подъезда, отправляясь на работу, я решил — пора!

Лифт не работал. Это показалось мне дурным знаком. Шатаясь от усталости после дороги и бессонной ночи, я поплёлся по лестнице. Поднялся на нужный этаж и, секунду поколебавшись, нажал кнопку звонка. Тишина. Ещё раз. Нет ответа. Что-то ёкнуло в моём сердце, но я решительно поднёс палец к изящной, утопающей в непонятных изысках кнопке в третий раз. Сомнений не было — квартира была пуста. Уехали к морю? Я тщательно ощупал дверь тамбура. В полумраке я не сразу заметил важную деталь — висячий замок.

День я провёл с озадаченными моим увольнением родителями, а на следующее утро вернулся к Наташиному дому. Почему-то в уверенности, что она появится, что замок на тамбуре — вещь временная. Именно теперь мы должны встретиться, поговорить и всё решится. Я сел на частично сломанную, частично сожжённую скамейку возле подъезда и стал ждать.

Раньше я бы испуганно-брезгливо озирался (во дворе этого дома водились пьяные компании, состоящие из парней и девушек бандитского вида, шастали цыгане, в мусорке копались БОМЖи). Но теперь больше не вздрагиваю от криков, не опускаю голову вниз, чтобы не видеть этот странный мир... Я живу в нём свободно! Я не крошечное закомплексованное существо, старающееся спрятаться от всех тревог в своей скорлупе. Мои размеры не меньше этого мира, потому что я теперь принимаю в нём всё. Он ничем не хуже неба — такой же разнообразный, с яркими звёздами и чёрными дырами. Я не боюсь его, как не боюсь себя. И мне не хватает здесь только одного — любви девушки.

Голуби уже что-то клюют на асфальте возле лужицы, воркуют. День будет замечательный, и я верю, что для меня это начало новой жизни. И хотя большой город, ранее так пугавший, не принял ещё меня за своего, но скоро примет. Мы нужны друг другу. Теперь мне есть кого защищать, кого любить, о ком заботиться. Понравится ли это Наташе? Как-то она сказала мне: «Ты слишком заботлив. Это приятно, этого всегда хочется, но... это так непривычно.»

— Ничего, привыкнет! — закричал я сам себе и, не в силах больше сидеть, поскакал по лужам вдоль домов, просыпающихся и как будто лениво потягивающихся. Кое-где скрипели ворота, вот первые дворники показались с хмурыми лицами. Первые солнечные лучи осветили крыши. Красота! В приподнятом настроении я вернулся к заветному дому.

«Прощай, старая эпоха! Прости, что раньше думал только о себе! Надеюсь, всё у нас теперь будет хорошо!» — размышлял я.

Где бы я теперь ни жил, у меня есть этот город, который я оказывается так люблю, все эти люди, птицы, даже дома и камни — всё! И я у них есть. А что ещё надо? Как там поётся: «Кто любит, тот любим...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.